

Внешний способ хозяйствования находится посредине между настоящим капитализмом и социализмом, явился компромиссным периодом. Этот период он называет „интервеннистическим“, т.е. таким, в который государственная власть и организации рабочих и предпринимателей делают интервенции, т.е. вмешиваются и парализуют свободную циркуляцию, как капитала, так и труда, свободному сложению рынка, свободному образованию спроса и предложения. Минь в результате этого вмешательства возможно то, что безработный в Америке живет лучше, чем работающий в Европе, а безработный в Европе живет лучше, чем работающий в Китае, а, например, сахар во Франции вдвое дешевле, чем в Венгрии. В результате этих вмешательств, капиталист не может свободно оперировать капиталом, а рабочий своим трудом, а торговец товаром и т.д. Эта двойственность, это сидение меж двух стульев современно го человечества в своем хозяйствовании и создало кризис. В спасительность социализма этот лектор не верит. Он предсказывает экономике Сов.России, которой любят козырять социалисты, еще более грандиозных крахов, чем в Европе, да и нынешнее состояние там ничуть не лучше, чем здесь. Он выражает уверенность, что этот „интервеннистический“ способ хозяйствования дойдет в этом кризисе до конечного тупика и человечество, волею-неволею, повернет на путь настоящего свободного капиталистического хозяйства, что и положит начало ликвидации сегодняшнего кризиса.

Таким образом, по выводам этих двух специалистов, причины современного кризиса кроются не только в факторах чисто экономического характера, но гораздо шире — в факторах социально-политических, а следовательно и выходы будут найдены не только путем экономических мероприятий, но и социально-политических.

Привьсей своей ученической беспристрастности, и лично, не могу не отдать должного внимания логической убедительности последнего разбора и его выводов. Но в обоих случаях видно, что до конца кризиса еще неопределенно далеко.

-----0000-----

-----000-----

П.Н.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Несмотря на двенадцатый год эмиграции, за которую последняя должна была бы окончательно определиться, отсестясь в смысле установления того или иного твердого отношения к коммунистической власти на территории С.Рос.империи, вопрос о возвращении из среды калыцной эмиграции все еще может предметом обсуждения.

Возвращение с первых же годов появилось среди нашей эмиграции и, то затихая, то вновь оживляясь, продолжает держаться в ней. Оно имеет свои глубокие, экономические, политические, национальные и семейные причины, исследовать которые представляло бы значительный интерес. Однако, задача данной записки не в этом, а в выявлении нашего отношения к самому вопросу. Правда, это мы делаем не впервые и наше отношение не разнится от предид наших утверждений. Оно было и есть резко отрицательным. Но мы считаем своим долгом после каждого раза, когда возвращение вырывает из нашей среды то или иное количество очередной жертвы, повторять и доказывать гибельность и необдуманность такого шага.

Мы видим, знаем, что наше положение здесь, в эмиграции, делается с каждым годом труднее; каждый из нас стареет, для годовых проходит лучшие годы вне семейной жизни, нет здесь ни привычного труда, ни образа жизни по нашим вкусам, глотает тоска по нормальной жизни... Но, несмотря на это, возвращение не есть выход из положения, а, по глубокому нашему убеждению, только ухудшение. Там, ко совпасть, нет не только относительного материального благополучия, не только в этом отношении хуже, чем здесь, но уезжающие туда попадают, в довершение этого, в условия тяжелого морального гнета, в кандалах духовной несволи.

Здесь каждый из нас, боясь спать, уверен, что за ночь его не арестуют, без причины не обыщут, в семью не отправят, на принудительный труд, даровой труд не шикуют; здесь каждый из нас, не стесняясь может носить, что только может, кушать, что только доступно его карману и т.д.. Но всего этого „там“ нет.

Поэтому мы продолжаем считать возвращение для всех слоев нашей эмиграции гибельным шагом. Ведь одно то, что Сов.России единственная в свете страна, из ко-

торой нельзя вмешать, в которую нельзя без опасности для жизни вмешать, куда, без опасения доставить своим родным дурные последствия, нельзя писать, откуда родные не могут писать своим родным в эмиграцию, должно навести всякого человека на ужаснейшую ненормальность жизни там. Если прибавить к этому, что Сов. Россия — единственная страна, куда посылаются по почте продовольственные посылки — мука и хлеб, как гостинцы, то понятно становится то ужасное положение, в которое оказываются все узники.

Нахождение калычков в эмиграции никому не нужно, никто в этом не заинтересован, но мы не можем просто, по человечески, не жалеть тех простодушных наших собратьев, которые поддаются уговорам преступных лиц, на поставке несчастных своих собратьев в лапы беспощадной власти зарабатывая себе право на возвращение и оплачиваемое место; нам жаль также, когда вот или иной наш собрат падает духом и решается на гибельный шаг — возвращение в страну, где царит голод и несправедливое, от которых судьбе угодно было нас избавить.

Нужно нам слушаться друг друга, верить один одному. Когда придет время возможности возвращения, ни у кого язык не повернется говорить, чтобы наши пострадавшие братья продолжали считаться в эмиграции. Но время это еще не настало и никто сроков не может сказать. Возвращение же при настоящем тагшинском положении, после 12 лет непризнания сов. власти — безумие, тем более, что мы имеем сведения, что все лучшие люди из возвратившихся томится в настоящее время в ссылках и тюрьмах.

Трудно здесь, но там далеко хуже.

-----00000-----
-----000-----

А.И.

КАЛЫЧЬЯ КОЛОНИЯ ПОД КРАСНОДАРОМ.

Краснодар, это — Екатеринодар. Много, много калычков помнят екатеринодарскую давку на мосту, не забыли, конечно, и то, что многие там остались и попали в руки красных. Многие там тогда же погибли, а небольшая часть, спешенная и обобранный, осела там и осталась в Екатеринодаре; „пока что“ — думали они и вот уже больше десятка лет длится жизнь этой колонии.

Без грошей в кармане, гонимые и терроризируемые, они, конечно, не могли для жилья закатить „дворцов революции“. Откуда-нибудь притащили, где выпросили, а кто купил на первые заработки бревна, выкопали в земле глубокие ямы, на двух концах положили дерновые или сбитые неширокие стенки, соединили бревном-маткой, на матку с обеих сторон несколько столбов и досок, укрыли соломой, камышом, засыпали землей и — жилье готово. Но наружный калычий вид не соответствует внутренней чистоте. Калычки, на Дону в особенности, давно уже привыкли жить чисто и по человечески в хороших деревянных, кирпичных домах, флигелях и землянках на земле.

В таких, в каких сейчас живет Краснодарская колония, жили только часть калычков-табунщиков по коннозаводчикам. Во-первых, это были самые бедные семьи, а во-вторых, если кто из них был замотан, там табунчество для него было временным положением; каждый из них всегда готов был получить расчет, уехать в свою станицу и начать по настоящему хозяйствовать на своем паше и усадьбе. Табунщиков этих, т.е. калычков, живших в выкопанных в земле жилищах, было не больше 200 семей из всех донских калычков. Вспоминаю об этом потому, что некий красный газетчик в „Красном знамени“, от 22 декабря 31 г., дает информацию об этой калычьей колонии и то, что калычки эти живут в землянках и внутри землянок чисто, а женщины стирают белье; а мужчины носят белые воротнички и среди них — один студент медфака и все это свое „открытие“, по своему ль невежеству или в силу большевистской подлости, с телачим восторгом относит к положительным заслугам сов. власти: она, мол, научила калычку стирать белье, а калычка носить чистой воротник...

Что тут сказать? Много нам пришлось испытать от большевиков. Они разорили все калычье хозяйство, исковеркали всю жизнь нашего народа, без числа убили, еще больше ограбили, пустили по миру, осквернили все, что было для нас дорого и свято, растоптали..., но никто, вероятно, из нас не думал, что эти же большевики